

СНЕГ В ЭТОТ теплый, тихий вечер падает так торопливо и такими большими хлопьями, что свет фонаря с трудом пробивается сквозь него, скупые и неровные освещенные выходящие виды мост. Это снежинки, достигнув света, замирали сотнями огоньков, и плавали в его полдсе, как одеревеневшие, на ходу придуваемые загадочные узоры, беспечно кружась в хороводе, чтобы через мгновение лечь на vastышную еще поздней осенью землю.

И тускло освещенный प्रदेश моста, и померно высиди на стелбе старинный фонарь, как бы пришедший сюда из чудесной сказки Андерсена, и особенная тишина, накая посидит в эту пору только такие вот уголки немеладых и мудрых городов, — все это нестрахает на грустный и тонкий рассказ о чм-то цмцающем знакомом. Прошли минуты, но вы уже знаете, что перила моста заскрипят при первом набеге ветра, и фонарь замечается торопливо и размерено, как маятник. А если кто и появится здесь сейчас, то он, этот кто-то, ничего не нарушит, не изменит, просто тихо пройдет мимо или постонт, чтобы остановить тепловой ладонью несколько снежинок...

Я помню это беззучное начало спектакля отчетливее, чем все сюжетные линии пьесы, потому, пожалуй, что настроение, ирски и музыка спектакля были переданы так тонко и так пронзительно в первых тактах.

А когда опустился занавес, ряды зашелестели аплодисментами, вызывая на авансцену актеров, режиссера-постановщика, художника. Занавес опускается, и мало кто из зрителей в этот момент думает в тех, кто незримо присутствовал здесь весь вечер, чья работа над пьесой началась раньше, чем у актеров. Они никогда не выходят на сцену, и поэтому дамба заглавная наидолго за кулисы, познакомимся с теми, кто теорит спектакль. Специфика этого производства необычна, сложна и напряжна.

Итак, режиссер прочитал пьесу, и все «рычаги» и «винтики» его воображения приведены в движение. Через какое-то время, иногда очень короткое, он ясно «видит» всю пьесу сыгранной, видит в цветах, в звуках, красках от начала и до конца. Для себя постановщик все и за всех сыграл, и не только вчера, но и начисто. Но от воображаемого решения до премьеры — много напряженных дней, работа десятков людей. И если в таком коллективе, как Ленинбадский областной театр музкомедии имени А. С. Пушкина, актеры в труппе немногим больше шестидесяти, то остальных работников разных специальностей — больше ста. У каждого свой участок, свой цех.

И, пожалуй, первый человек, которого режиссер-постановщик впускает в свою святую святых, — это художник. Вместе они ищут внешний облик спектакля и образно решают его. Показывают предварительные эскизы, наброски, варианты, в которых уже не стечность, а движение спектакля. По этим документам, выполненным художником, и утверждает худсовет пьесу и постановку.

СВЫШЕ тридцати лет отдаля Ленинбадскому театру Абдураман Кимов. То, что он делает здесь, на фабрике или заводе входит в компетенцию начальника производства. Он заведует постановочной частью, и в его ведении — все цехи театра, все — от бутфорских фруктов в вазе, которая появится в какой-то момент в руках актера, до сложных конструкций и возможной перестройки сцены, от бумажного цветка, до трелей соловья или выстрела, которые должны прозвучать точно в назначенный момент. Можно себе представить, какое хлопотное хозяйство у Абдурамана. Оно не просто состоит из тысячи мелких и деталей: многое ведь надо заново изобретать, придумывать. Не это есть мастера, художники в своем деле и фантазеры, но у них свои участки, а у заведующего постановочной частью — весь фронт работ.

ДЕВЧУШКОЙ пришла в театр бутфор Евана Алчина. Теперь она — признанный мастер. О ее фантазии, умелых и чутких руках тепло отзывался главный режиссер Ислам Саломов, актеры театра.

Большой популярностью здесь пользуют

ются шлан М. Лагимава и С. Суртаева. Здесь, благодаря их умению, можно превратиться в блистательную королеву и уличную замарашку, в рыцаря, солдата любой эпохи, любой армии. В костюмарном цехе театра приходится шить самые необычные модели одежды разных эпох и народов.

Говорят, невозможно войти ногой в стеганую, сосчитать количество волос в прическе. А парикмахер-тример М. Салиев

Найди себя

ТЕПЛЫЙ СНЕГ

можно сосчитать. Из ее рук вышло так много париков с буснями и плавками, с дельсинками и кудряшками, что она, наверное, изощреннее знает, сколько волос нужно добавить к естественной прическе, из какого количества волос получится новый парик.

И желанную свежесть, и матовую бархатистость кожи, и устрашающий шрам, и экстравагантные ушки, и замысловатую бороду получают здесь действующие лица различных театральных историй, получают... на три сценические часа. Эскиз художника здесь, как и в любом другом цехе, главный «чертеж», по которому выполняется «конструкция». Сложная работа гримера, кропотливое парикмахерское искусство в театре, но М. Салиев всегда успевает, с душой относится к делу.

ЗАДАЧА большинства производственных участков — все подготовить к сдаче спектакля.

Пожалуй, самый «богатый» ассортимент продукции в цехе режиссерском, которым заведует М. Мадалиев. Здесь работают с таким мелочам, которые на сцене имеют зритель порой и не замечает вовсе. Тут можно услышать любопытные цифры (и в театре, оказывается, без них не обойтись!). Знаете ли вы, что на каждый спектакль уходит в среднем 3—4 кубометра леса, 40—50 листов фанеры, 300—400 метров мягкой ткани для «одежды» сцены (а на костюмы всего метров 50!) и т. д.

Ну, а нервы, бессонные ночи — эти расходы не имеют единиц измерения.

О какой бы театральной профессии не шла речь, слово «ремесло» не употребить. Творчество и только творчество — иначе нет театра, нет спектакля, нет чуда, нет правды искусства, в которую верит зритель. Если не поверит, значит, все было напрасно. Не просто улаять зрителям, но убедить людей очень-очень разных — вот в чем вопрос.

Казелось бы, радио или электроцех — техническая проза.

О, это только для непосвященных, — возражают осветители Б. Парников и Ф. Хаматов. — А кто рассказывает зрителю в знойном полдн, когда земля пересохшими губами просит каплю воды; кто покажет жаждущую палитру радуги и приглушенное многоцветье заката, грусть тизаго вечера и мажор ясного утра? Как услышат зрители раскаты революции, ощутят силу зари, как переживут ужас пожара и беззаботную внезапность дождя? Это в театре делается звуком и светом...

МЫ смотрим «Варшавскую мелодию» Л. Зорина и думаем о двух людях, показавших нам этот спектакль. Да, всего два действующих лица. И все-таки 60 миллионов еще готовили эту постановку. Это хорошо, что в каждом театре в цехах работают люди, для которых сцена, ее законы стали главными в жизни. У людей, о которых мы сейчас рассказывали, одна «корысть» — беззаветная любовь и привязанность к театру. И они не горюют о том, что зрители не знают их в лицо.

Нельзя жить без сцены, нельзя жить без чуда. И если вы ищете их в театре, то для вас со сцены будут доноситься запахи весны и леса, а не клая и лудры. И облеба будут спешить куда им надо, и капля дождя вы ощутите не цане, и ветер освесит проиледа...

В. АКУЛОВ,
г. Ленинбад.